

8. Farkas, Mihály-Vistai. Vocabularium Zingarico–Latinum et Hungaricum. Quod fieri fecit curiositatis caussa Michael Pap Szatmári. Per Michaelem Farkas, alias Vistai natum Zingarum. Collegii nostri per aliquot annos civem togatum. [Sine anno] Cluj (BCUCLUJ_FCS_MS370) [Manuscript].

9. Kledzik, Emilia. Perspektywa poety. Cyganologia Jerzego Ficowskiego. Poznań: Wyd-wo PWP, 2023. 690 p.

10. Wajs, Bronisława (Papusza). Pamiętnik. [Sine anno] Żagań (WiMBP, Rękopisy Bronisławy Wajs Papuszy). 214 s. [Manuscript].

10. Wajs, Bronisława (Papusza). Ratwałe jaswa. Żagań (WiMBP, Rękopisy Bronisławy Wajs Papuszy), 1952. 54 s. [Manuscript].

УДК 811.161

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: НЕОБХОДИМОСТЬ РЕВИЗИИ?

Т.М. Шкапенко, С.С. Ваулина

*Балтийский федеральный университет
имени И. Канта, Калининград, Россия*

Аннотация: В статье поднимаются вопросы о необходимости пересмотра основных подходов к изучению языковой картины мира. Выдвигается гипотеза об излишнем панхронизме в представлениях об устойчивости влияния особенностей, закодированных в лексике и грамматике коллективным языковым предком. Констатируются огромные изменения в языковой картине мира под влиянием американского варианта английского языка, инкорпорировавшего в русское языковое сознание лингвоконцепты, оказывающие очевидное культурно-прагматическое воздействие. Высказывается предположение о системных преобразованиях в современной языковой личности, отличающейся повышенным лингвокреативным потенциалом. Предлагается расширение традиционного объекта анализа ЯКМ за счет привлечения данных искусственной номинации, аккумулированных в лингвистическом ландшафте городов.

Ключевые слова: языковая картина мира, англо-американские заимствования, искусственная номинация.

Понятие «языковая картина мира» (далее ЯКМ) представляет собой одно из самых распространенных в исследованиях отечественных лингвистов. Его частое употребление создает иллюзию единства между учеными в вопросе понимания самого содержания ЯКМ. Фундаментальные расхождения в данной проблематике в системном виде были представлены в работе А.А. Яковлева, предпринявшего комплексный обзор научной литературы, посвященной различным аспектам исследования ЯКМ [Яковлев 2017].

Восходящее к идеям неогумбольдтианства и гипотезе Э. Сепира – Б. Дж. Уорфа понятие ЯКМ в самом общем виде характеризуется как закреплен-

ные в языке способы концептуализации и категоризации действительности, как своеобразная сетка лингвоментальных координат, которую каждый язык накладывает на его носителей. К числу наиболее важных дискуссионных проблем А.А. Яковлев относит характер взаимоотношений ЯКМ и концептосферы: если все авторы согласны с тем, что «языковая картина мира не равна когнитивной» [Яковлев 2017: 8], то конкретный способ репрезентации каждой из них осмысляется по-разному. Так, далеко не все ученые поддерживают постулат о том, что «когнитивная картина мира существует в виде концептосферы народа, а языковая картина мира – в виде семантики языковых знаков, образующих семантическое пространство языка» [Попова, Стернин 2002: 6]. Убежденность в том, что особенности ЯКМ следует искать в семантике, закодированной преимущественно в лексике, также разделяется не всеми, особенно после работ А. Вежбицкой, описавшей синтаксис и словообразование как не менее идиотническую систему языковых представлений о действительности [Вежбицкая 1996].

Большинством ученых признается обоснованность лингвистического детерминизма. Как указывает А. Зализняк в предисловии к монографии, посвященной анализу культуроспецифичных лексических единиц: «Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Зализняк Анна А. и др. 2005: 9]. Из утверждений о детерминированности нашего сознания языковыми способами вербализации действительности следует то, что основной объект анализа ЯКМ составляют лексические единицы, изучаемые посредством различных приемов семантической реконструкции, направленной на выявление этнокультурно обусловленных компонентов значения.

Противоречия между лингвокультурологическим и психолингвистическим подходом сводятся, в целом, к проблеме понимания ЯКМ как коллективного явления, что свойственно представителям лингвокультурологии, и как индивидуального явления, что характерно для психолингвистики. В лингвокультурологии под картиной мира принято понимать целостную совокупность образов действительности в коллективном сознании, а коллективные представления рассматриваются как фундаментальная часть индивидуальной ЯКМ [Карасик 2002: 74]. В психолингвистике в соответствии с господствующим деятельностным подходом утверждается, что «национально-культурную специфику «языковой картины мира» нужно искать именно в специфике набора деятельностей, практикуемых конкретным этносом, проживающим в определенном ландшафте» [Тарасов 2008: 7]. Отсюда следует необходимость изучения ЯКМ в непосредственной связи с процессами порождения и восприятия текстов генерирующей их языковой личностью, что далеко не всегда присутствует в практике психолингвистических исследований.

При всех существующих разногласиях в качестве сверхзадачи в рамках описания национальных языковых картин мира выступает намерение рекон-

струировать «образ человека» исключительно на основании языковых данных – лексических и грамматических значений [Апресян 1995: 37]. В связи с этим возникает вопрос: образ какого человека мы реконструируем, обращаясь к системным лексико-грамматическим данным? Того коллективного субъекта, который много веков назад запечатлел в слове свою наивную картину мира и «заложниками» которой, в соответствии с идеями лингвистического детерминизма, по сей день являются его далекие языковые потомки?

З.Д. Попова и И.А. Стернин одними из немногих включили в свое определение ЯКМ указание на ее изменчивость: «ЯКМ суть совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка, на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин 2002: 5]. Однако абсолютное большинство исследований представляет собой некие лингвоархеологические «раскопки», реконструирующие национально-культурную специфику, закодированную в русском пациентивном синтаксисе, склонном к дативным конструкциям или безличным предложениям («Мне лень» или «Мне не хочется»), в самобытных лингвоконцептах «тоска» и «авось», в равноправных отношениях субъекта обладания с его объектом в конструкции «У меня есть» в противовес закодированной в английском языке захватнической агентивности «I've got» и т. п.

Закономерным образом возникает вопрос: неужели представления того наивного человека о мире и о своем месте в нем до сих пор предопределяют наше восприятие мира и нашу поведенческую модель? Ведь нет сомнений в том, что за последние три декады наша ЯКМ подверглась радикальным изменениям, включив в себя те концептуально чуждые смыслы, которые транслировал английский язык как донор лингвокультурной глобализации. За это время произошел основательный ремеппинг (remapping) нашего языкового сознания, переориентировавшегося на американские лингвоконцепты, инкорпорирование которых в нашу лингвокультуру должно было поспособствовать нам стать такими же успешными людьми, как это явлено в англо-американской идеологеме „the man of success”, научить нас любить вызовы в соответствии с деятельной природой американских «челленджей», жить «здесь и сейчас» и т. п. То есть, если вспомнить, что основной посыл в изучении ЯКМ состоял в выявлении ее национально-культурной специфичности, то следует констатировать, что вся наша дативная обезволенность или наша экзистенциальная тоска стали своего рода когнитивным осадком, неким древнейшим слоем в накопленных годичных кольцах на стволе нашего языкового сознания, и в таком случае все предыдущие исследования ЯКМ становятся своего рода лингвокультурологической палеологией и палеографией, востребованной только иностранцами, усваивающими основы русского языка.

Безусловно, можно возразить, что вектор современных исследований ЯКМ должен переориентироваться на те глубинные изменения, которые произошли с нами за 30 лет глобализации. В сущности, это и было уже сделано в огромном числе диссертационных работ, изучающих концепты вызовов

или успеха, креативности и приватности, описывающие многие из заимствований как ключевые слова или маркеры современной эпохи. Естественным образом возникшее направление исследований может само по себе свидетельствовать об исчерпанности диахронического подхода к изучению ЯКМ и об аксиологическом крахе тех представлений, которые были заложены в нашем древнем, равнодушном представлении о собственности, в нашей датиной несопротивляемости внешним условиям бытия и, более того, констатировать, что выявленные нами глубинные лексико-синтаксические скрепы не стали препятствием на пути тех кардинальных изменений, которые произошли в нашем национальном менталитете и культурно-поведенческих установках под влиянием «не наших» языковых представлений. Это в особой степени относится к подрастающему поколению, мотивируемому российскими масс-медиа с помощью американских вербальных энерджайзеров: «Мама сказала: ты сможешь!», «Ты – лучший и ты супер!» и т. п. Это прорастание американских лингвоментальных характеристик в русской ЯКМ дает ощущение относительности того, что заложено в изначальных глубинных структурах, которые под давлением активных пришельцев с иной философией жизни отошли на второй план и превращаются в отдельные страницы русского лингвокультурного гербария. На первом плане в настоящее время оказываются инновационные лингвокультурные смыслы, порожденные англо-американским коллективным языковым субъектом.

Следующий поворотный момент, который нам видится сегодня в исследованиях ЯКМ, это предположение о том, что не только ЯКМ детерминирует сознание ее носителей, но и сами носители, изменившиеся языковые личности, создают новую картину мира. Если столетия назад наш коллективный языковой предок сотворил то, что мы категоризировали как ЯКМ, то почему в настоящее время человек, во многом перенесший свою речевую деятельность в область виртуальной действительности, не может являться демиургом обновленной ЯКМ? Неслучайно лингвокреативность становится сегодня одним из наиболее активных направлений исследований, в которых в качестве объекта анализа привлекаются данные различных типов дискурса. Данный анализ осуществляется в полном соответствии с аксиоматическим положением о том, что единственным объектом изучения ЯКМ может являться естественная номинация.

Однако, на наш взгляд, в эпоху, когда лингвокреативность стала одним из важнейших факторов текущей стадии развития языка, необходимо обратить внимание на те особенности, которые явлены в номинации искусственной. Наиболее эксплицитное и системное их представление присутствует в лингвистическом ландшафте современных российских городов, анализ которого показывает, что основной особенностью является миксирование элементов различных языковых и семиотических систем. Инновационные способы создания коммерческого имени представляют собой отражение мультилингвального и мультимодального формата современной языковой личности и одновременно оказывают воздействие на языковое сознание жителей

городов, приучая их к легитимности игрового миксирования кириллицы и латиницы, к инкорпорированию в вербалику интернет-графики и элементов других семиотических систем. Все это свидетельствует о том, что язык становится лишь одним из средств общего семиотического ресурса, а современная языковая личность совмещает в себе черты homo loquens, homo videns и homo ludens. Можно предположить, что намечается разрушение привычных онтологических границ языка, а языковая картина мира утрачивает свою моносемиотичность и приобретает новый, гибридный формат.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. Издательство: М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б, Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание / Под ред. З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Воронеж, 2002. Вып. 32. С. 4–8.
6. Тарасов Е.Ф. Образ мира // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 6–10.
7. Яковлев А.А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15. № 2. С. 5–20.